

Мюзикл В.-А.
(оркестровка)

газета - с 21

28 | ИЮЛЬ | четверг | 2005 | #139 / 917/

■ фестиваль

засушенный Моцарт

«Волшебная флейта» на Мюнхенском оперном фестивале

ГОЛЮРА САДЫХ-ЗАДЕ МЮНХЕН

«Волшебная флейта» в постановке патриарха немецкой режиссуры Августа Эвердинга и маститого театрального художника Юргена Розе — спектакль, проверенный временем. Премьера его состоялась в 1978 году, возобновление — 2004-м. Впрочем, на любимую оперу Моцарта баварцы готовы ходить всегда, в любую погоду, хоть каждый день.

В одном из интервью режиссер Андреас Хомоки как-то заметил, что если в трех оперных театрах Берлина будут в один вечер давать «Волшебную флейту» — зал будет полон во всех трех.

Кажется, Моцарт затронул в этом сочинении то, что волнует всех. В эзотерической картине мира, выстроенной им в соответствии с тайными доктринами масонства, действуют благородные герои — принц Тамино и его возлюбленная Памина — и возвышенный пророк, мудрец Зарастро. Но находится место в моцартовской мировой иерархии и простодушным жизнелюбцам, не склонным витать в эмпиреях и прочно стоящим обеими ногами на земле. Таков птицелов Папагено и его суженая Папагена. Простые радости жизни — хлеб с колбасой, вино, семья, детишки — в этой картине мира не менее важны, чем философические рассуждения Зарастро о добре и зле, свете и тьме. И тем милее Папагено бюргерски ориентированному народному немецкому сознанию.

Постановок «Флейты» по всей Германии — бесчисленное множество. Широко известна хрестоматийная зальцбургская постановка Иохима Фрайера, в которой мир предстает аналогом цирковой арены. Или парадоксально-остраняющее прочтение зингшпиля Петером Конвичным в Штутгартской опере. На таком богатом фоне спектакль Эвердинга кажет-

ся морально устаревшим. Наивная, поэтичная сказка, развернутая в красочных декорациях Юргена Розе, сегодня не транслирует сколько-нибудь актуальные смыслы: лишь в меру смешит и развлекает, да и то не всех.

На мерцающем звездами небосводе висит масляно-желтый круг луны. В лунном круге — женский силуэт: это всемогущая и коварная Царица Ночи. Зеленые ребристые скалы раздвигаются, из щели выползает жирный и блестящий дракон, похожий на откормленного червя с шипами; сокращаясь всеми сочленениями и потряхивая крокодильей мордой, он гоняется за Тамино, время от времени изрыгая из пасти «всамделишное» пламя, — и принц падает без чувств от испуга. Ясно, что постановщики стремились создать бесхитростное, но эффектное зрелище. Экзотические павильоны, вдруг становящиеся прозрачными изнутри, пышная тропическая растительность, каменные львы, согласно мотающие головами и хвостами в такт волшебным колокольчиком, — среда, в которую вписана опера.

В отличие от впечатляюще стильного исполнения барочных

опер на территории Моцарта дирижер Айвор Болтон оказался далеко не столь состоятелен. Привыкший поддерживать бодрый, аристократически-сухой темпоритм, уместный в стиле барокко, Болтон попытался применить ту же тактику и в Моцарте — и сразу чарующе мягкие моцартовские интонации, полные лукавства и грации, скукожились, усохли и выцвели. Все рекорды по быстроте исполнения побила увертюра — но тембровые краски и осмысленность при этом были утрачены. Голоса солистов — Райнера Троста (Тамино) и Ханно Мюллер-Брахмана (Папагено), по-нуждаемых к пению механистически-регулярным жестом дирижера, звучали задавленно и уплотненно. Маститый Курт Молль выглядел и звучал почти нелепо: в его интерпретации Зарастро выходил скучным резонером, непонятно для чего задающим молодой чете бессмысленные задания.

Джулиана Бансе (Памина) справилась с партией вполне удовлетворительно — и лишь Диана Дамрау вновь, как и в «Похищении из сераля», порадовала нежным, гибким и подвижным сопрано.

Джулиана Бансе (Памина) и Райнер Трост (Тамино) в «Волшебной флейте» Моцарта
Фото: Wilfried Hosl